

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 174. "[Как струны плакали, когда я пианино...](#)**"**

Как струны плакали, когда я пианино
ломал, чтоб выносить из дома по кускам!
Не так давно на нём играла Рина,
и, словно воробьи щебечут по кустам,
так пальчики её скакали, пели,
и ноты сыпались, и на полу белели,
и волнами качался нотный стан.

Был бледен шрам у шеи, где ключица.
Педали поддавались на весу,
и лился звук, готовый истончиться,
исчезнуть, как последний луч в лесу
теряется во мху, в еловой хвое.
Горел румянец на щеках от хвори,
манили сливы на тарелочке осу.

О музыка — спасение из рая.
Но воронёнок падал из гнезда,
и ты бежала, Рина, невзирая
на то, что не бежала никуда.
Помочь, скорей, там птенчик, божья птаха!
Покой — освобождение от страха.
О рыбичка моя, плыви туда.

Потом не помню, пролетело мимо.
Так память нас баюкает: бай-бай.
Сосульки плакали, когда я пианино
выталкивал из дома: вон! давай!
И отражалось солнце в лаке клавиш.
И ничего-то, Рина, не исправишь.
Ты не поможешь, вот и не мешай.

2 место

Конкурсное произведение 172. " [Ты один и я один...](#) "

Памяти Василия Бородина

Ты один и я один.
Умер Вася Бородин.

За окном бушует лето,
веселится третий Рим,
а Василий умер — это
факт, и он неоспорим.

Он бы щас ругался матом
и с поэтами кутил,
но патологоанатом
даже это запретил.

Душно, тесно в смертном часе,
стрелки движутся едва,
пустота в груди у Васи,
а снаружи змейка шва.

Птица кружит без усилий,
человеку не дано –
ты же это знал, Василий,
наклоняясь за окно.

Но теперь-то бесполезно
говорить тебе: «Постой!»,
у тебя во взгляде бездна –
ужас тайны за чертой.

Спит земля, ещё вращаясь,
под землёю – пустота,
жизнь течёт в неё, кончаясь,
красной струйкой изо рта.

3 место

Конкурсное произведение 199. " [Угнетенному мною Билли](#) "

Билл пригласил на пленэр. Я шапочно знаю Билли,
но откажешься, скажет, пренебрегли или нагрубили.
Билли любит меньшинства, приветствует иностранцев...
Еду. Неблизко. На карте - сплошной обман из названий
(в Кингстоне нет кингстонов, в Чарльстоне не до танцев).

Вхожу. На дворе фуршет.
Корешки в зубочистных жалах ничком на траве лежат.
Дело дрова: он жуёт
так, словно суд вершит,
в настроении препираться.
-Хорошо, что пришли, так хотелось поговорить
с белой о репарациях!

Чуть было не хихикнула: вот в чем дело-то!
В бывшей советской еврейке что он увидел белого?

Книга о Холокосте дочитана им до конца,
я захлопнута меж страницами,
как октябрьский жук между рамами.
Резюмирует: - Не фиг шрамом гордиться,
Все у нас тут со шрамами.
Он логичен и убедителен:
-Что мне беды ваших родителей.
Шесть миллионов - подумаешь тоже...
Мириады моих уничтожены.

Ходи потом к ним на парти.
А еще говорят, люди братья.

-За давностью лет обвинять нам некого.
-А что закон? -Закон говорит: Пиноккио,
раз невинен, ступай в тюрьму.
Да и вы, евреи, молчали, где же вам,
простите за прямоту...
Уворачиваюсь от подножек по инерции вежливо:
упадешь и получишь по роже
землей, башмаком по хребту.
Хозяин доволен эффектом. Подыгрываю ему:
-...Я совсем не пытаюсь давить на жалость,
в споре истины нет...
Мы фуршетно, тезисно соглашались,
толерантный наш менуэт
танцуя, танцуя,
кроша моих предков кости.
Ничего так сходила в гости.

Били-бом, церковные колокола,
Библия... Билли, люби меня!

Били-бом - и не знаешь, кому молиться:
Ваши боги побили наших,
Наши съели, кого породили.
Билли, споем и спляшем!

Ветры, наверное, город листвой замели.
Там достают до колен поцелуи земли
и достают до небес голоса неживых.
Впрочем, я брежу, и Билли, небрежен и тих,
меня до ворот провожает, не смотрит в глаза.
Те, кто в земле, подталкивают к небесам.

...поезд увозит меня до начала танцев,

пляшут буквы в названиях станций.

4 место

Конкурсное произведение 278. " [Принимать](#) "

Доктор Зияд Самара, сын земледельца из Бейт-Лахии,
как-то сказал мне, что нет никаких религий и наций,
есть только люди, хорошие и плохие,
кардиограмма у всех одна - вереница диастол, систол...
Доктор Зияд Самара учился в России,
где стал гинекологом и марксистом,
малость философом, в меру ценителем разливного,
но не разлитого,
там и женился на Катеньке из Иванова,
позже вернулся на Западный берег,
завёл себе практику, с четверть века работал в родильном,
был активистом борьбы за мир, настоящим, не пародийным,
принял чернявых и смуглых младенцев столько,
что ими можно заполнить несколько средних школ,
слыл по округе богом, пусть и не обжигал горшков,
ехал однажды из клиники хмурым дождливым январским днём,
остановился, увидев расстрелянный джип и пару гражданских в нём,
бросился к раненым, стал накладывать жгут
на глазах у зевак, что стояли рядом с бензоколонкой,
не осмелев и выйти из-под её навеса,
не говоря уж о том, чтоб спасти чужака, оккупанта и иноверца...
После шумихи в прессе, и раздражённой, и упоённой,
доктор Зияд Самара два дня бродил по пустой приёмной,
некогда тщательно им оформленной в строгом английском стиле,
больше в родное родильное доктора твёрдо, но вежливо не пустили,
вскоре пришёл человек из особых служб, вынудил долго марать бумагу,
этой же ночью доктор Зияд Самара видел, как жгли его раритетную колымагу
те, кого он долгие годы бережно принимал – стаж-то у доктора был немал.
Доктор Зияд Самара поколебался, но понял, что ехать надо,
и на визитке его теперь Макгилл, Монреаль, Канада,
в трубке моей иногда звучит его голос:
«А-коль беседер, хабиби, а-коль тов*,
я здесь принимаю младенцев любых цветов,
только вот думаю часто, как говорят по-русски, япона мать,
если так дальше пойдет, кто ж их будет там, на родине, принимать...»

*А-коль беседер, хабиби, а-коль тов (ивр.-араб.) – всё в порядке, дружище, всё хорошо.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 87. " [Зомбиленд](#) "

птицы улетают на юг,
и клинья в небе размотаны, как черные хвосты
нефтяных подожженных вышек.
заросли тростника дрожат под ветром.
саблезубые блики лыбятся на реке –
встревоженная пума
вечера
угодила в лужу нефти
и вылизывает шерсть красным языком заката.
чихает сполохом.
натужно кричит селезнем.
бензиново-зеленым опереньем.

какое-то незавершенное совершенство сквозит
во дне уходящем, гаснущем,
как включенный фонарь в лодке, идущей ко дну.
а небо тошнит
заводскими монструозными трубами:
эпоха переела, перепила
технического прогресса.
мрачно звучит сигнал для ночной смены.
и шоссе – грязная соломинка,
вставленная в зад неоновой лягушки-города, –
гоняет машины – пузырьки
металлической слюны.

тихо гудит
переплетение металлических балок
на старом мосте – ржавые вены и сухожилия.
вот она – мумия коммунизма,
обезвоженная, как сушеная вобла.
и небо низко нависает надо мной, как полка
с гипсовыми бюстами Гоголя, Фета, Толстого.
это не облака – это классика
переезжает на рельсах мороси в вагонах ночных,
и я раскачиваюсь, вишу на волоске,
как тяжелый гаечный ключ 75 на 85
над спящей красавицей в темном стеклянном гробу –
грязном, исцарапанном,
с наклейками почты: остроо...

а ветер, как блендер, хочет все смешать:

реки, заводы, города, меня.
и лассо горизонта перетягивает
горло
звездному мустангу...
боже, как же я люблю эти пейзажи захиренья.
рахитичных ангелов запустения.
посттехнический зомби-стайл.
эпоха, как наркоман, тоннами пожирала
уголь, сталь и нефть.
вдруг проснулась больной и немощной,
обворованной до нитки.
время и магия индустриализации прошло.
зато осталось мое наслаждение – радость ребенка,
бродящего по свалке в поисках чудес.

вот ржавая банка и вмятый рисунок:
альпинист карабкается на скалу,
как микроб кариеса
на вершину зуба.
это удивление души
выпроставляет тонкие щупальца из глаз моих.
это кайф разломанных пейзажей, мусорных курганов,
брошенных домов.
это творчество разрушения,
разложение крупных вещей, идей,
и чудовищ эпохи.

Конкурсное произведение 138. " [Старый кот](#) "

Старый кот болеет, умирает,
и, не зная, чем ему помочь,
мама на руках его качает,
вряд ли он осилит эту ночь.

Я пришёл, а маме не до шуток.
Мама не сказала мне "привет".
Старый кот ныряет в промежутки
между "я умру" и "смерти нет".

Бледно освещается терраса.
Я сижу поодаль просто так.
И ещё ведь муркает, зараза.
Ластиться пытается, дурак.

Мама говорит ему: ну что ты.

Мама говорит ему: а вот
мы с тобой сейчас откроем шпроты.
И зовёт по имени, зовёт.

Как на смерть ни топай и ни шикай,
не отгонишь дальше рукава,
вот и исчезает кот чеширский
насовсем под мамины слова.

На столе не тронута шарлотка,
не сказала мама мне "пока",
лишь плывёт, плывёт ночная лодка —
вдоль по шерстке мамина рука.

Конкурсное произведение 207. " [Хромая ворона](#) "

...хоть тресни, не помню, что тогда стряслось,
может, сгустилась злость
или виной всему птичий грипп,
но я перестала говорить,
а стала каркать.
Был, кажется, великий пост, февраль или начало марта,
снегов в тот странный год не было вовсе —
на антеннах сох сырой небосвод, колдовала тусклая осень,
затяжная, как парашютный прыжок, —
и ветер, плоский и юркий, как утюжок,
блудил по шапкам самшитов и тисовым косам,
рвал всё, что белыми нитками шито,
отбирал птичьи крохи,
склёвывал с рябин сморщенные горохи
и уносил этот скарб в космос.

...возле солодовой лужи хромая ворона ехидно щурила глаз,
я хотела что-то сказать, но голос увяз,
горло подковой сдавил спазм,
потом
от диафрагмы оторвался ком,
лопнул и превратился в громкое «кар»,
скатившееся с языка.

...я вернулась домой — завернулась в халат и стала ждать мужа,
он придёт вот-вот и отправится спать — у него режим,
а я не усну — буду думать о хромой вороне и солодовой луже,
в которой потонули мой голос и осколки души.

...муж перешагнул через порог –
продрог,
словно ехал не на Volvo, а на мопеде
по самой ухабистой из дорог,
и мое приветственное «кар» даже не заметил.
А когда я стала безудержно каркать,
он достал бутылку Bacardi,
закурил, открыл двери балкона,
впуская ветер досужий
и мутную стынь,
и долго смотрел вниз, на ворону,
которая всё ещё фланировала по лужам,
крылом опираясь на маленький костыль.
В сером жилете, в ботинках лаковых –
налегке.
И, кажется, она что-то напевала.
Или плакала.
На человеческом языке...

Конкурсное произведение 244. " [Прогулка с фотокамерой](#) "

в городе серо
в городе пахнет серой

чёртики веток сбросили шерсть
стали такими как есть

хочется крикнуть: слушайте! эй!
кто-нибудь жив кроме чертей?

тихо

на перекрёстке жёлтый колор
вклинил в сурьму светофор

дальше - офисных зданий квартал:
мрамор бетон металл

дальше

на тротуаре лужа и следом -
штрих от велосипеда

справа - проезжая часть а с краю
чётко: щёлки сливной решётки

щёлк!

славно...

и тут к тому же -
вспомнился ранний Кушнер:

"...таинственна ли жизнь еще?
таинственна ещё..."

ритм шагов становится плавен -
выход к реке... камень

набережной фактурно волгл
(в каждом камне живет глагол)

тихо

меж берегов уходящих вдаль
сонной стеной стоит вода

кадр не прост

каменный мост
прячет в тумане свой каменный хвост

вдруг - всплеск! и
звук оборвавшейся лески

слышу отчётливо: "Вот чёрт..."
значит в тумане - жизнь течёт:

щёлк!

Конкурсное произведение 307. " Ц-ц-ц "

лишь только день распустицца
зальёцца солнцем сад
капустницы капустницы капустницы летят
летит еще лимонница
и шоколадница
но мне милей капустница
предвестница конца

мне нравицца печалицца

что всё вокруг пройдёт
снежинка в белом платице
закружицца падёт
за ней вторая спустицца
сто тридцать пятая
и трактор гнусной гусеницей
всех в лёд впечатает

но их - снежинок-бабочек
полным полно полным
и жизнь такая разная
клубицца словно дым
уносицца врываецца
бьёт резвою ногой

Лети скорей, капустница,
не слушай никого!

Конкурсное произведение 343. " [Трое](#) "

Презирая кефир и макароны по-флотски,
От меня ушёл бомжевать мой внутренний Бродский.
Лёжа в баке, глядит на небо, не знает горя -
В перевёрнутом доме у самого Серого моря.

На одной из галер из Зюзино в Бирюлёво
Унесло моего внутреннего Гумилёва.
Говорят, возле МКАДа, на озере Вечного Чада
Был покусан псоглавцами, так дураку и надо.

За окном - диктатура осени. Под каштаном
Расправлялись гопники с внутренним Мандельштамом.
Расколов пополам колючую несвободу,
Голова укатилась гладким волшебным плодом.

...

Рикошетят обиды косточками черешни.
Ты сказала, что я поверхностный. Нет, я внешний.
Посмотри, у меня внутри только стол, три стула.
И слова, на губах проходящие, как простуда.

